

С. И. НИКОЛАЕВ

Два стихотворца XVII века

История русской поэзии XVII в. не богата именами. Самый снисходительный подсчет, учитывающий авторов одного-двух стихотворений, даст не более трех десятков имен, известных нам иногда лишь по акростихам. Целый ряд новых поэтов стал известен в последние годы благодаря обнаружению «приказной школы» в русской поэзии 30—40-х годов XVII в., члены которой служили в московских приказах дьяками и подьячими: Михаил Злобин, Алексей Романчуков, Стефан Горчак, справщик Савватий и др.¹

Открытие «приказной школы» значительно расширило наши представления о поэзии XVII в. и позволило проследить традиции этой школы в середине и во второй половине данного столетия. Это очень существенно, так как отзвуки «приказной школы», слышные и в конце XVII в., свидетельствуют о том, что в канун петровской эпохи изосиллабическая поэзия школы Симеона Полоцкого была главенствующей, но не единственной системой в силлабической поэзии.² Разные течения не просто сменяли друг друга, а сосуществовали.

А. М. Панченко, открывший «приказную школу», указал и двух ее последователей — самозванца Тимофея Акундинова и инока Авраамия.³ К ним можно отнести и Прохора Шопина, крестового дьяка царицы Марии Ильиничны, который в 1660 г. написал стихотворное предисловие с акростихом к сборнику сочинений Максима Грека.⁴ В настоящей заметке мы публикуем стихотворные сочинения еще двух авторов, писавших в традиции «приказной школы», — подьячего Алексея Онуфриева и монаха Венедикта Буторина.

1. Алексей Онуфриев

А. З. Онуфриеву принадлежат три стихотворения, помещенные в сборной рукописи середины XVII в.⁵ Они невелики по объему, всего около 120 строк, в последнем имеется акростих, сохранивший имя автора: «Слози приказу Болшого дворца подиачего Алексия Захариева сина

¹ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, с. 34—77. См. написанный А. М. Панченко раздел «Литература первой половины XVII столетия» в кн.: История русской литературы. Л., 1980, т. 1, с. 322—325.

² Еще об одной системе в поэзии XVII в. см.: Панченко А. М. Протопоп Аввакум как поэт. — Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1979, т. 38, № 4, с. 486—488.

³ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в., с. 78—102.

⁴ Отрывки напечатаны в кн.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной семинарии. Казань, 1881, ч. 1, с. 486—487.

⁵ ГПБ, Q.XVII.227, л. 23—27. Рукопись подробно описана в кн.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1897 год. СПб., 1900, с. 150—154. Филигрань этой части рукописи (шут с семью бубенцами) идентифицировать с известными не удалось, однако подбор знаков во всей рукописи (лилия на кресте, два вида кувшинчика) не противоречит такой датировке.

Аноффриева первое написана в славу кресту». Другими сведениями об авторе мы не располагаем, можно только достаточно основательно считать его выходцем из приказной среды: в 1647 г. Захарий Онуфриев был пожалован из торговых людей в дьяки Казенного приказа, где и служил до 1654 г.⁶ Очевидно, это отец нашего стихотворца.

Связь стихотворений Онуфриева с традицией «приказной школы» вполне очевидна, на нее указывают неравносложность стиха (от 8 до 19 слогов в строке), наличие акростиха, а также жанр — стихотворное предисловие («Стихи двоестрочни о кнize сей»). Поэты «приказной школы» писали подробные предисловия в стихах и пытались, как известно, воспользоваться печатным станком, впрочем почти безуспешно. В знакомстве Онуфриева с творчеством «любовного союза» приказных поэтов ничего удивительного нет: их центром была книжная справа. Печатный же двор подчинялся приказу Большого двorca, в котором служил Онуфриев. Хотя в конце 1653 г. Печатный двор был отдан в полное распоряжение патриарха Никона, связи, особенно творческие, между двумя ведомствами не прервались.

В цикле стихотворений Онуфриева идет речь о «животворящем кресте господне», что видно и из заглавий: «Стихи кресту господню похвални», «Ини стихи всечастному и животворящему кресту господню». Поскольку рукопись относится к 50—60-м годам XVII в., то ближайшим поводом для написания этого цикла могло быть только основание патриархом Никоном в 1656 г. Крестного монастыря на о. Кие на Белом море в память о своем спасении от бури на этом острове еще в 30-е годы. И действительно, сопоставление цикла с «Грамотой о Крестном монастыре» патриарха Никона, изданной в Москве около 1656 г., показало полную идейную зависимость стихотворений от «Грамоты». Особенно это видно по отразившемуся в цикле панправославному экспансионизму патриарха Никона. Онуфриев прямо прочит царевича Алексея (1654—1670) на византийский престол: «Алексия царя семени Алексею и содержати. Сила бо твоя божественная явится, Яко Византия в руце его утвердится». Когда в 1658 г. Никон оставил патриарший престол, идея о том, что русский царь будет вершителем судеб всего православного мира и «Цареградом будет владети», отошла на второй план политики Алексея Михайловича. Исходя из этой приметы времени, мы полагаем, что цикл Онуфриева был написан в 1656—1658 гг. и он явился непосредственным откликом на идеи, изложенные в «Грамоте» патриарха Никона, а также на некоторые события внешней политики России, в частности победы русского оружия. Последнее обстоятельство очень примечательно, так как русская окказиональная политическая поэзия появляется лишь в петровскую эпоху. В силлабической поэзии второй половины XVII в. других откликов на современные политические события мы не встретим.

Для какой книги предназначалось это стихотворное предисловие, состоящее из инвокации, прославления креста господня и изложения основных положений панправославной политики Никона? Очевидно, не для «Грамоты о Крестном монастыре», так как это было официальное и программное сочинение, документ. Поскольку круг произведений о новооткрытом монастыре невелик, то можно с большой долей вероятности назвать другое произведение, имеющее интересные параллели со стихотворениями Онуфриева. Речь идет о «Сказании о святем и животворящем кресте господни, что в Крестном монастыри, сказает же ся греческим языком ставрос». ⁷ «Сказание» написано вполне в духе «Грамоты»,

⁶ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 388.

⁷ ГПБ, Погодинское собр., № 1583, л. 4—31 (список XVII в.); Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина, Отдел рукописей, № 4644, л. 29—33 об. (список 1733 г.).

в нем имеется и ссылка на нее («яко же речеса в печатной тетрате, еже о строении монастыря на листе седьмом»⁸). «Сказание» представляет собой историю создания монастыря, изложенную по «Грамоте» Никона, а также его описание.

В «Сказании» имеются и силлабические стихи, написанные частично в манере «приказной школы», приводим их текст:

МОЛИТВА ЧЕСТНОМУ И ЖИВОТВОРЯЩЕМУ КРЕСТУ

Радуйся, кресте всечестный,
Кровию Христа бога окропленный.
Радуйся, древо треблаженное,
На краниеве || месте насажденное.
Радуйся, всего мира обновителю,
Адова же царствия потребителю.
Тебе, яко одушевленну, о кресте! песнь
припеваю,
Колени со главою души и тела преклоняю.
Спаси мя, кресте святыи, тебе припадающа,
Верую и любовью тя обლობяюща. ||
Сохрани, кресте, силою твоею,
Молю тя, тело со душею моею.
Сокруши, пресвяте, демонския стрелы⁹
И вся противныя победы силы.
Во дни и в ноци поюща соблюди
И от враг видимых и невидимых свободы.
Жизнь мою устрой мирну,
И кончину получитьи сподоби безгрешну. ||
Во исходе души от тела силою си ограда
И ко вратом небесным безмятежно проводи.
Сподоби же мя ясно тя зрети,
Егда на тебе распныйся придет всем судити.
Христос бог ныне и присно и во веки веков,
аминь.¹⁰

Не только общая тема и наличие виршей позволяют сблизить цикл Онуфриева со «Сказанием». В описании монастыря, «сколько святых вещей в нем есть», имеется фрагмент, едва ли не являющийся прообразом второго стихотворения Онуфриева:

ПОД СЕНИЮ КОВЧЕЖНОЮ НАД ЖИВОТВОРЯЩИМ КРЕСТОМ НАПИСАНИЕ СИЕ:

Крест хранитель всей вселенней,
Крест красота церкви,
Крест царем держава,
Крест во бранех победа,
Крест верным утверждение,
Крест аггелом слава,
Крест христианом || упование,
Крест заблудшим наставник,
Крест труждающимся тишина,
Крест недужным врач,
Крест мертвым воскресение,
Крест бесом язва.¹¹

Текст этой надписи со стихотворением Онуфриева не совпадает, но анафорический повтор слова «крест» указывает на связь виршей с надписью.

⁸ ГПБ, Погодинское собр., № 1583, л. 7.

⁹ В рукописи исправлено по первоначальному «силы».

¹⁰ ГПБ, Погодинское собр., № 1583, л. 21—22. Текст в рукописи записан в строку, деление на стихи сделано нами в соответствии с «поэтической пунктуацией» подлинника: запятая в конце первого стиха и точка в конце двуступиши. Характерно наличие рифм, сохраняющих украинское произношение буквы «ять» («стрѣлы — силы», «мирну — безгрѣшну», «зрѣти — судити»).

¹¹ ГПБ, Погодинское собр., № 1583, л. 19—19 об. В этой надписи заметно несомненное влияние Канона кресту.

Высказанные нами соображения о том, что три стихотворения Онуфриева предназначались в виде предисловия для «Сказания о святем и животворящем кресте», остаются, конечно, всего лишь догадкой. Однако их связь с произведениями о Крестном монастыре 50-х годов XVII в. для нас не подлежит сомнению. Очень вероятно и то, что это стихотворное предисловие предназначалось для какого-либо издания, которое не было осуществлено, и Онуфриева, как и приказных поэтов,¹² постигла неудача в овладении печатным станком.

Приводим текст стихотворений по рукописи Государственной Публичной библиотеки.¹³

СТИХИ ДВОЕСТРОЧНИ О КНИЗЕ СЕЙ, ОБРАЗУ СПАСОВУ БЛАГОДАРНИ И БОГОРОДИЦЕ МОЛЕБНИ, ОТ ЧЕРЛЕННЫХ СЛОВ ИМУЩИ РАЗУМ НЕКАКОВ¹⁴

Иисус руце имеет возвышени,
Сим бо врази мои низложени.
Христос имеет руце распростерти,
Сего бо ради злыя ми мысли стерти.
Спас мой матере своея прошения внят
И крестителя своего моление прият.
Владыко мой милость свою на мне излия,
Благодать бо в мя пресвятаго духа вляя.
Господь мой человеколюбием си мя возвесели,
Мысли бо благи в сердце мое всели.
Бог мой благих своих мя преисполни, ||
Смысл бо мой буй добрых наполни.
Вседержитель рукама си благословляет,
Начати ми дело сие повелевает.
Рождшая его и креститель руце молебне
простирают

И тако мя сим к делу сему вооружают.
Владычица премудрости, вразуми мя,
И ты, единородный сыне, просвети мя.
Богородице, подаждь ми разум начати,
И ты, Христе боже, смысл скончати.
Присно богомати, к тебе прибегаю
И помощь твою призываю.
Дево пресвятая, способствуй ми, грешному,
И сотвори мя коснутися делу внешнему.
Марие, Христа бога мати, о тебе хочу начати
И сие повеление царево написати,
Вразуми мя, госпоже царице, скончати.
Аминь. ||

СТИХИ КРЕСТУ ГОСПОДНЮ¹⁵ ПОХВАЛНИ ДВОЕСТРОЧНИ

Крест упование благое благочестивым,
Крест победа велия злочестивым.
Крест царю нашему на враги его победа велия,
Крест святому его семени исполнения веселия.
Крест православному их царствию утверждение,
Крест благочестивей полате и воем их ограждение.
Крест на ляхов и мусулман победитель,
Крест всем еретиком прогонитель,
Креста силою и действием дело сие начася,
Креста божественным дарованием скончася.
Аминь. ||

¹² См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в., с. 55—63.

¹³ ГПБ, Q. XVII. 227, л. 23—27.

¹⁴ «Черленых слов» в рукописи нет. Очевидно, это должен был быть акростих, как и в третьем стихотворении. «Разум некаков» можно получить, прочитав первые слова нечетных стихов: «Иисус Христос, спас, владыко, господь бог, вседержитель, рождшая его владычица, богородице присно дево Марие, вразуми мя». Этот акростих редкой формы вполне соответствует всему характеру стихотворения.

¹⁵ *Испр., а рѣк. господину.*

ИНИ СТИХИ ВСЕЧЕСТНОМУ И ЖИВОТВОРЯЩЕМУ КРЕСТУ ГОСПОДНЮ ИЗЪЯСНИТЕЛИ,
БЛАГОДАРНИ, МОЛЕБНИ, ДВОЕСТРОЧНИ ЖЕ ПО АКРАСТИХИ, ЕЖЕ ЕСТЬ ПО КРАЕ-
ГРАНЕСИ

Словословлю тя, кресте пресвятый,
Лобызаю тя, кресте пречестный.
О тебе бо православнии царие царствуют,
Земнии владетели властвуют,
И архиереи слово истинныи исправляют,
Патриарси и епископи престолы украшают.
Радуется чин монашеский,
Иерейский и церковный всяческий.
Князей лица сликовствуют,
А множество народа торжествуют.
Земленороднии вси радуются, ||
Ужасно же в преисподних плачуются,
Божественною ти силою попраши,
Одержими в тартаре связаны.
Ликуют ти безплотных множество,
Шестокрылнии приносят торжество.
Апостолы с праотцы играют,
Господеви своему сице взывают:
О царю боже, Иисусе Христе!
Дивно соделал еси на твоём кресте,
Велия раба¹⁶ гордаго сим связав,
О всех праведницех того истязав.
Радуют же ся и пророчестии лики,
Цари со ерархи и мученики велики.
Адам и Ева ото уз разрешат та ся,
Первыя бо клятвы свободил та ся.
О твоём таинстве, кресте пречестный, ||
Давыд во царех дивный и честный
Иногда убо в гусли бия взываше,
А гласом си пророчески вопияше.
Чюдну же песню¹⁷ научи пети тебе,
Егда провидев велие таинство о тебе.
Господа бога нашего, рече, возносите,
О великой его таинстве хвалу принесите,
А подножию ногу его покланяйтесь,
Любовию и страхом прикасайтесь.
Есть бо сие таинство свято и велико,
К сему бо притекающии приемлют толико.
Иногда Константин пред полки ношаше,
Яковы победы вои его показаше.
Зде убо вторицею сотворися,
Алексий царь того ж сподобися,
Херугови бо его сим изображени, ||
А и враги его такожде низложени.
Ревность Михайловичь яви благочестиву
и сим одоле господарю злочестиву,
Еже не срамляясь носити распятого на кресте,
В херуговех же изобразити его везде.
Аще бо в ветсем врагов сим победили,
С Мойсеом Аарон люди божия свободили,
Из Египта бо сих извели,
Но и Чермное море превели.
Аще образом сим Аммалика победы,
Аще горкия воды в сладость претвори.
Но се все бысть действо креста,
О сем вемы, чюдодействова бо той всегда.
Фараонову и Аммаликову силу той победы,
Российское царствие от поганов той свободи
И всеа Русии царя возвесели силою твоею, ||
Еже покори враги его мощию своею.
Верному правителю благочестия,
Алексию, искоренителю злочестия.
Православия скипетры содержати устрой,
Елико Константин обдержа в руде его присвой.
Радость превелику сотвориши Константинуполю

¹⁶ Испр., в ркп. рабо.

¹⁷ Испр., в ркп. песно.

Внегда, честный кресте, совершиши твою волю,
 О сем, православнии вси тамо рыдают,
 Еже от тебе великой милости ожидают.
 Но свободиши сих от мусулманских рук,
 Агарянских насилующих ими вяук.
 Престол христианский в первую лепоту возведи
 И сих, не познавших пропятого, на тебе низведи,
 Седмихолмага скипетры повели удержати,
 Алексия царя семени Алексию ж содержати.
 Сила бо твоя божественная явится, ||
 Яко Византия в руде его утвердится.
 Возвыси рог христиан православных,
 Силою твоею низложи злославных.
 Людие, сядяще во тме, узрят свет велий,
 Аще свободятся таковы радости и веселии.
 Восхвалят тя выну во вся дни своя,
 Удивят бо ся зряще благодеяния твоя.
 Кресте, божественная сило неведомая,
 Разреши моих грехов пленица неведомая,
 Елико бо хочещи, вся сотвориши,
 Силою твоею царское сие веление совершиши.
 Ты еси похвала моя и утвержение.
 Устами моима даждь твое поучение.
 Аминь.

2. Венедикт Буторин

Относительный силлабизм продержался в русской поэзии до конца XVII в., занимая со временем второстепенные, но довольно прочные позиции в поэтической практике и в читательском сознании. Доказывается это. между прочим, тем, что наследие приказных поэтов 30—40-х годов XVII в. известно нам по большей части в списках последней трети столетия. Кроме того, почти до конца века в переводной поэзии царил неравносложный стих. К началу XVIII в. он практически исчезает из оригинальной и переводной поэзии.

Но есть исключение. На первый взгляд оно парадоксально: на рубеже веков неравносложной силлабикой пользуются такие первоклассные версификаторы, как Карион Истомина, Димитрий Ростовский и другие профессиональные поэты. Однако в данном случае неравносложность не связана с традицией «приказной школы», а имеет определенный жанровый характер. Она стала, по нашему мнению, отличительным признаком «непоэтических» произведений. Дело в том, что с ней мы сталкиваемся в переписке поэтов. Письма в стихах были довольно обычным явлением в ту пору. Писались они в традициях относительного силлабизма. Таковы послания Тимофея Каменевича-Рвовского Кариону Истомину, Кариона Истомина Димитрию Ростовскому, Димитрия Ростовского Стефану Яворскому, Ф. П. Поликарпова И. А. Мусину-Пушкину и проч. Особенно показательны два письма Петру I, написанные от лица царевича Алексея Карионом Истоминим неравносложными стихами.¹⁸

Эпистолярное наследие поэтов русского барокко еще не обследовано, поэтому считать неравносложный стих чертой эпистолярного стиля было бы сейчас и преждевременно и рискованно. Однако совершенно очевидно, что старшие силлабики оставили неравносложному стиху область «непоэтической поэзии», тогда как настоящее стихотворство, по их убеждению, может жить только «мерою». Эту маргинальную область литературной культуры XVII—XVIII вв. еще предстоит исследовать. Здесь же мы сообщаем некоторые дополнительные материалы, небеспольные для дальнейшего изучения литературного быта.

В научной литературе уже давно известен монах Венедикт Буторин.¹⁹

¹⁸ См. образцы таких посланий: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970, с. 212—213, 251—252; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в., с. 125, 138—139, 155, 164—165.

¹⁹ См.: Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862—1720. СПб., 1857, с. 249.

Определенно можно говорить о двух его сочинениях²⁰ — о послании патриарху Иоакиму²¹ и о «Слове на умиление души своей».²² Из приписки, сопровождающей «Слово», извлекаются следующие данные об авторе: «Слог монаха Венедикта Буторина. Сие слово на умиление души своей сочинил на Москве у пресвятой Богородицы в Новодевичьем монастыре, препровождая житием (так! — *С. Н.*) во иночество ту пострижен 32 лета, а слог сочинися 196 (1688) году марта в 14 день».²³ Послание патриарху Иоакиму было написано не позднее марта 1690 г., года смерти адресата. Других сведений об авторе найти не удалось.

Послание (автограф) представляет собой превосходно оформленное поздравительное письмо. Какого-либо позитивного материала из пышных риторических украшений извлечь нельзя. Можно только предполагать, что поздравительным письмом автор, «последний богомолец, многогрешный чернец Венедикт Буторин», хотел напомнить патриарху о своем существовании и, очевидно, предложить ему свои литературные услуги, например просить место секретаря, каким позднее Карион Истомин будет при патриархе Адриане. После обращения в послании идет следующее стихотворное вступление:²⁴

О! велико божие к нам, человеком, милосердие,
 Явим и мы к нему, творцу, благое усердие.
 Ибо в последняя веков лета
 Сподобил нас божественнаго света,
 Даровал нам душевнаго архипастыря пречестнаго,
 Земнаго аггела и преизящнаго гражданина небеснаго,
 Оздобленна благообразием и святолепна Иоакима,
 Великаго господина по существу, а по священнодействию
 серафима,
 Поистинне преизяществом духовенству в красоту монарха,
 достоин по лепоте всеа России и всех северных стран
 патриарха. ||
 Духовною мудростию паче чювственна солнца сияюща
 И душеполезным учением умная нам очеса просвещающа.
 Души наши духовною благодатию освящающа
 И тещи путем, ведущим в царство небесное, наставляюща.
 Сия от бога милость к нам не по нашей годности,
 Что сподобил нас неизреченной сей радости.
 Даровал нам преизящнаго архипастыря Иоакима,
 Пречестнаго архиерея и великаго господина.
 О сем нам подобает радоватися духовно и веселитися,
 А благодарствие молитву приносите творцу не ленитися.
 Сице к нему, богу свету, непрестанно вопити:
 «Боже и госноди! Даровал еси нам архипастыря, изволь
 его хранити,
 Яко вернаго своего слугу, а нашего света
 Во здравии добром и во благоденствии на многа лета, ||
 Чтобы нам по твоей милости тем утешатися и иметь отрада,
 А с ним, архипастырем своим, по многолетии наследити
 небеснаго града.
 Подай же, госноди, нам, недостойным, разума и помощи,
 К дарованному тобою нам архипастырю како притещи.
 По твоей бо святой воли поклонятися,
 А милости и благословения архипастырскаго сподобятися.
 Ныне и впрעדь благоволя,
 Сице к нему, архипастырю, с верой глаголя».

²⁰ Филарет предположительно атрибутировал ему также составление в 1685 г. «Полной науки пасхалии» (Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы, с. 249), однако в рукописи (ГПБ, Ф. I. 320) данных для такой атрибуции нет.

²¹ БАН, 16.14.24, л. 196—202. Рукопись подробно описана в кн.: Описание Рукописного отдела БАН СССР, т. 3, вып. 2. Исторические сборники XV—XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.; Л., 1965, с. 263—269.

²² ГБЛ, собр. Ундольского, № 464, л. 29 об.—30 об.

²³ Там же, л. 29 об.

²⁴ БАН, 16.14.24, л. 197—198.

Сервизизм автора чрезмерен, назвать Иоакима при жизни серафимом было слишком даже для эстетики той эпохи. Далее следует прозаический текст послания.

Второе сочинение Венедикта Буторина, как видно из приведенной выше приписки, относится к красноречию, это поучение в стихах. Возможно, что «Слово» является частью большого произведения (типа увещательного послания «Божий град» Тимофея Каменевича-Рвовского), но отсутствие материала принуждает нас закончить наши заметки публикацией «Слова на умиление души своей»: ²⁵

Горе тебе, человеце, яко вечная благая желаеши,
А во всяком небрежении пребываеши.

Горе тебе, человеце убогий, яко святых жития блажиши
словом,

А по стопам их шествовати не понуждаеши себе делом.
Горе тебе, человеце, яко вси царствие небесное уготованно
праведным,

А не грешным в делех злых, тебе подобным.
Горе тебе, человеце, яко своего жития вси минутие и конец,
А не подражаеш праведным, им же Христос подаст нетленный
венец.

Горе тебе, человеце, яко хоцещи богу угодити словесы,
Но не ²⁶ тицшиися хранить заповеди божия делесы.

Ведаеш, что благо или что зло, а согрешаешь,
А житию своему всегда конец чаеш.

Бога глаголеши любити,

А по воли божией себя не хоцещи понудити.

Не всяк глаголяй «Господи, господи!» внидет во царствие
небесное,

Но иже пребываяй в воздержании от злых, а проходяй житие
тесное.

Велия теснота плоти окаянной,

Еже быти ей от злых дел удаленной.

Ибо плотцкое мудрствование души смерть,

А ты, убогая душа, не хоцещи плоть постом стерть.

Ныне дано ти время на размышление, ||

Потщися имети благая дела и помышление.

Помни сие: яко что ищет человек, то и обрящет,

Аще человек временная ищет, гнев божий его срящет.

Хотяй временных благ насладитися,

Имать таковой вечных добр лишитися.

Богатство аще течет, рече пророк, не прилагай сердца,

Да сподобишся благодати от своего творца.

Блажит убогия свет Христос бог,

Ибо сам образ нам даде во щедротах мног.

На сие бо свет Христос нищетным образом на земли восия,

Да ты убо, человеце, разумеши сия.

Яко богатый кто, а не милостив, той во веки погибает,

А творяй волю божью, милосердием сей во веки пребывает.

Горе тебе, о убогий человеце, любииши временная и тленная
света сего

Паче наследия вечных благ и царства небеснаго.

В злых делах пребывая и страшнаго суда не боишися,

И имея еще zde время покаяться правдою, не спешнися.

А вси, яко zde по милости божии дано ти есть время

Потщатися на истинное покаяние и отложить греховное бремя.

Аще ли, человеце, прежде конца покаешися отстатием злых дел,

То по кончине введет тя Христос бог небеснаго чертога

в предел,

Идеже вси праведнии радостно пребывают

И ты с собою вкупе жити желають. ||

Но ты со слезами творца своего бога прилежно моли,

Да открыет ти свет разума и научит своей божественной воли.

Понудися во святых божиих заповедех пребывати,

Славу и хвалу ему непрестанно возсылати.

Отцу и сыну и святому духу ныне и присно и во веки веков

аминь.

²⁵ ГБЛ, собр. Ундольского, № 464, л. 29 об.—30 об.

²⁶ В ркп. вписано над строкой.